

ЕЛЕНА МИЩЕНКО
АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ

ДИКИ ВЕЛИКИХ

ЖИЗНЬ В БОРЬБЕ И ФРЕСКАХ БЕН ШАН

Серия «Лики великих» — это сложные и увлекательные биографии крупных деятелей искусства — эмигрантов и выходцев из эмигрантских семей. Это рассказ о людях, которые, несмотря на трудности эмигрантской жизни, достигли вершин в своей творческой деятельности и вписали свои имена в историю мирового искусства.

Бен Шан (1898 — 1969) — американский художник, родившийся в литовском городе Каунасе, эмигрировал вместе с семьей в Америку в 1906 году.

Наиболее известная работа Бена Шана — серия из 25 полотен «Страсти по Сакко и Ванцетти». Эта работа сделала Бена Шана известным художником в мире искусства. Он является автором многочисленных фресок и картин. Его работы находятся в коллекции Рокфеллера.

Иллюстрации Александра Штейнберга.

Елена Мищенко Александр Штейнберг

ЖИЗНЬ В БОРЬБЕ И ФРЕСКАХ *Бен Шан (Ben Shawn)*

Газетный заголовок, который появился 24 апреля 1933 года в крупнейшей нью-йоркской газете World Telegram, был набран огромными буквами. Мальчишки-газетчики, размахивая свежими выпусками газет, кричали: «Коммунистическая пропаганда в Рокфеллер-центре, Диего Ривера рисует Ленина, Рокфеллер-младший платит!» Эта новость

немедленно стала центральной во всех газетах. Вождь мирового пролетариата нарисован на стене РСА — Рокфеллеровского центра, который является символом капитализма. Неужели подобное возможно? Журналисты, городские служащие, зеваки — все спешили посмотреть собственными глазами, убедиться в том, что написанное — не просто газетная сенсация.

В вестибюле Рокфеллер-центра было многолюдно, пол закапан свежей масляной краской, леса не убраны, художник Диего Ривера и его помощники продолжали работать. Архитектор Рэймонд Худ, который настаивал на том, чтобы интерьер был решен в серо-черных тонах, был возмущен своеволием мексиканского художника-монументалиста. Увидев на фреске некую фигуру человека, призывающего толпу к бунту, он спросил Риверу: «Уж не Троцкий ли это?»
— Нет, — спокойно ответил Ривера, — это Ленин.

Нельсон Рокфеллер, который пригласил знаменитого мексиканского художника-монументалиста расписывать стены только что возведенного небоскреба, долгое время был его самым яростным защитником. Он оберегал Диего от всех нападков, разрешил взять в напарники американского художника Бена Шана, которого

неоднократно подозревали в симпатиях к коммунистическому движению.

Скандал вокруг RSA разгорался нешуточный. Нельсон Рокфеллер написал Ривере письмо, в котором деликатно просил убрать изображение Ленина. «Вы создали великолепный портрет, но мне кажется, что вас не поймут, это оскорбит многих людей. Если бы это было в частном доме, это было бы понятно, но в общественном здании, куда приходит масса людей, ситуация меняется». Продолжая письмо в извиняющемся тоне, Нельсон Рокфеллер пишет: «Буду крайне обязан, если вы поймете меня и измените свое отношение к создавшейся ситуации».

Однако Ривера и Бен Шан, который поддерживал его во всем, не согласились, и Ривера отослал Рокфеллеру длинное письмо, в котором он отстаивал свою точку зрения, соглашаясь, скорее, на уничтожение фрески, чем на изменение ее концепции.

Компромисс также не был приемлем для Бена Шана, который написал ноту протеста, поставив свое имя первым. Что и говорить — это был не очень политичный шаг с его стороны — ведь его карьера художника в середине 30-х годов только начиналась.

Самым ярким впечатлением его детства было мороженое. Он его ел только один раз в родном литовском городке Ковно, но вкус и даже запах остались в памяти на всю жизнь. «Потом, прожив в Америке долгую жизнь, я пытался найти это лакомство моего детства, но, увы, ничего подобного мне не встречалось», — скажет Бен Шан в одном из интервью. Каким ветром занесло торговца мороженым в литовское местечко — неизвестно, однако он появлялся раз в году, в жаркий летний день с огромным деревянным ящиком. Он его торжественно нес по единственной улице Ковно, скликая гортанными звуками то ли армянского, то ли турецкого языка все местное население. Мальчишки бежали за ним, поднимая пыль босыми ногами, взрослые толпились на обочине, а продавец сладкого десерта торжественно вынимал из горы льда вкуснейшее лакомство.

Семья у Шанов была большая, детей много — на всех мороженого не напасешься, вот и ели его по очереди.

Хэссел Шан был отличным ремесленником, у него были золотые руки, в Ковно его уважали, работы всегда было много. Он не гнушался ничем — любая работа хороша, когда она приносит достаток. Они оба — Хэссел и его жена Гиттел —

родились в Литве. Они были очень разными — молчаливый, мягкий Хэссел и громкая, даже скандальная, Гиттел. Она всегда затевала ссоры с соседями, любила громкие выяснения отношений, детей не баловала, да и Хэсселу частенько доставалось от сварливой супруги.

Хэссел был нианвым идеалистом, который верил в справедливость, и этими идеями он как-то поделился со своим другом. Произошел этот разговор вечером, а утром следующего дня к ним в дом пришли полицейские и забрали Хэссела Шана на допрос. Как оказалось впоследствии, в Ковно нашли листовки революционного содержания с надписями: «Долой царя!» Произошли аресты, взяли и Хэссела. После суда его сослали на поселение в Сибирь. Гиттел осталась с четырьмя детьми. Долее находиться в Ковно она не могла и не хотела, и переехала в соседнее местечко Вилькомир, где родились они оба — Хэссел и Гиттел.

Произошло это в 1902 году, накануне известных событий в России, когда начались массовые погромы. Несмотря на кажущуюся скромность, Хэссел оказался мужественным и сильным человеком. Ему вскоре удалось бежать из сибирской ссылки и сложными путями оказаться в Швеции. Оттуда он перебрался в Англию и в Южную Африку. Там ему улыбнулась удача, он

нашел работу плотника и за несколько лет работы скопил приличную сумму денег.

Наступил 1906 год. Хэссел не собирался возвращаться в Россию, где обстановка становилась все более опасной для таких людей, как Хэссел Шан.

Тогда-то родители Бена решили, что настало время объединиться и сделать это лучше всего в Нью-Йорке. Хэссел выслал денег на дорогу, и Гиттел начала долгие сборы. Бен Шан вспоминает, как мать укладывала огромные пуховые подушки в большие мешки, как варила бесконечное варенье, перекладывала его в банки. Помнит, как рыдала Гиттел, обнаружив, что банки с вареньем украдены, как платила за них выкуп — десять рублей, как погружались на корабль, который привез их в Англию. Затем они пересели на другой корабль и после долгих изнурительных дней и ночей прибыли в Нью-Йорк.

Тут их ожидал Хэссел. Однако ни Гиттел, ни дети не узнали его. Когда к ним подошел красивый, элегантный господин в отлично сидящем костюме, с тростью в руке и золотой цепью на жилетке, они даже не обратили на него внимания. Дела у Хэссела шли отлично, он вполне мог оплатить длительное путешествие своей большой семьи и поселить их в большом доме в Бруклине, где жило большинство иммигрантов из Восточной Европы.

Однако мостовые в Америке не были вымощены золотом, как ожидали вновь прибывшие, жизнь в Новом Свете оказалась очень несладкой. Долгая цепь неудач преследовала родителей Бен Шана. Они потеряли большую часть состояния, неудачно инвестировав деньги в риелторский бизнес, затем шайка мошенников из Польши обманула Хэссела, выманив у него большую сумму денег. Оставшиеся 500 долларов супруги тщательно берегли, однако американские родственники уговорили их вложить последние деньги в бизнес, который был связан с химическим производством.

Семья Шанов переехала из большого дома в скромные апартаменты, которые находились рядом с фабрикой. Ядовитые испарения проникали в их жильё. Однажды в жаркий летний вечер, когда дети остались одни дома, в апартаментах возник пожар. Спящие дети, а их было к тому времени пятеро, страшно испугались, языки пламени охватили все небольшое здание, но им удалось все-таки выбраться, получив страшные ожоги и ранения.

Семья осталась без гроша, без жилья. Пришлось собирать по крохам все самое необходимое, переезжать в более бедную часть Бруклина, начать все сначала. Бен недолго учился в школе — мать настояла на том, чтобы он пошел работать, нужно было поддерживать семью. Хэссел

не хотел, чтобы сын прервал образование, у Бена были способности к рисованию, его хвалили в школе, его рисунки брали на выставки. Особенно красиво Бен рисовал буквы, он создавал из них затейливые орнаменты.

Знакомые помогли ему устроиться в типографию учеником литографа. Бену нравилась его новая работа, его увлекало все, он с волнением наблюдал как из-под огромных катков выходят свеженапечатанные книги и газеты. Там, в типографии, он пробовал напечатать и свои первые рисунки.

ВЗРОСЛАЯ ЖИЗНЬ

Шли годы, Бен работал в типографии, учился в Национальной академии дизайна и много рисовал. Там же, в Академии, он познакомился с двумя девушками, которые явно ему симпатизировали. Он был хорош собой, высокий, неистощимый на выдумки, Бен был душой компании. Одна из девушек по имени Тилли Гольдштейн ему особенно нравилась. В скором времени они поженились. Семья Шанов тепло приняла Тилли. Бен и Тилли сняли небольшую квартирку, где каждую пятницу собирались их друзья. Бен развлекал друзей всевозможными историями. Он вообще любил поговорить, часто импровизируя на ходу.

Хозяйство Тилли вести не умела, часто в доме не было куска хлеба, однако это их не огорчало, оба были молоды и полны надежд.

Оба, Бен и Тилли, мечтали путешествовать, увидеть европейские столицы, и осенью 1924 года они собрали достаточно денег, чтобы осуществить свои планы.

В этот период своей жизни Бен, как и большинство американских художников, чувствовал потребность увидеть работы великих мастеров, побывать в Венеции, Флоренции, Риме.

Супруги провели месяц в Италии, посещая Флоренцию и Венецию. Бен часами изучал работы Беллини, Тинторетто, открывая для себя красоту и неповторимость флорентийской художественной школы. «Посмотри, — говорил он Тилли, — какие яркие цвета у флорентийцев. Желтый у них всегда радостный, голубой — как яркое флорентийское небо. Они радовались жизни и выражали эту радость на полотне».

В Париж молодые супруги прибыли в июне. В то время Париж, как писала Гертруда Стайн, был «столицей двадцатого столетия, настоящей Меккой для всех, кто делал и любил искусство».

Писатели, среди которых были Стайн, Джойс, Хемингуэй, приехали в Париж «надышаться воздухом свободы, выразить себя в творчестве», — писал Бен Шан в письмах домой.

Художественная среда была особенно интересной. Париж притягивал к себе художников со всего мира: Пикассо и Миро из Испании, Шагал из России, Бранкузи из Румынии, Модильяни из Италии, Ривера из Мексики. «Тут были тысячи художников, каждый из нас хотел прикоснуться к великому искусству, каждый мечтал о славе», — писал Бен Шан. Ну что же, некоторым это удалось.

Конечно же, Бен был аутсайдером, пришлым. Он чувствовал себя несколько неуютно в шумной компании художников. К тому же он не знал французского языка, что делало общение очень сложным. В течение четырех месяцев пребывания в Париже Бен посещал Academie Julian, где преподавали Матисс, Леже и Дерен.

Остаться дольше в Академии Бен не мог — обучение стоило огромных денег. Однако сам город был прекрасной школой для художника: Париж манил красотой улиц, яркой толпой, маленькими уютными кафе, замечательными музеями, где Бен проводил долгие часы.

Он повсюду ходил с небольшим альбомом, делая бесчисленные зарисовки. Сидя в кафе, он рисовал портреты посетителей и мечтал встретиться с Пикассо или Модильяни. Так оно и случилось однажды. В кафе «Куполь» зашел Пикассо с приятелем. Бен издали следил за своим кумиром. Однако ничего экстраординарного не

произошло: Пикассо заказал две чашечки кофе, они с приятелем молча выпили их и, расплатившись, ушли.

Пребывание в Париже многое изменило в натуре и характере молодого художника. Он убедился в правильности выбора, решив посвятить жизнь живописи.

Они возвращались в Америку втроем — в Париже у них родилась дочь. Ей дали имя Джудит. Бен вез с собой более двухсот рисунков, множество набросков, эскизов. Они стали основой для его первой персональной выставки.

Им повезло: они вернулись домой за несколько недель до печально знаменитого краха биржи. Бен успел найти работу литографа, однако вскоре типография закрылась, и он просто должен был обеспечивать свою семью трудом художника. Однако найти галерею, которая бы согласилась его представлять, выставлять его работы, было очень сложно.

Тогда, в 1929 году, художественная жизнь Нью-Йорка была довольно однообразна и бедна. Галереи не выставляли современных художников, поэтому их никто не знал, и не было спроса на их работы. Бен был в отчаянии — ему нужно было кормить жену, маленькую дочь. Попытки заработать были тщетны.

И вдруг судьба подарила ему неожиданную встречу с мисс Эдит Хэлперт. Это событие изменило его жизнь.

ГАЛЕРЕЯ ЭДИТ ХЭЛПЕРТ

Эту миниатюрную женщину с пронзительными темными глазами отличал необычайно сильный характер. Она была из тех, о которых говорят «крепкий орешек». Необыкновенно энергичная, ловкая и оборотистая, Эдит заняла прочное место в мире, где господствовали мужчины арт-дилеры. Кем она была? Откуда появилась в нью-йоркском художественном мире? Для многих это было тайной. Одно было очевидно: Эдит родилась в России, ее выдавал явный акцент.

Биография Эдит Григорьевны Фивусович, таково ее подлинное имя, схожа с биографией Бен Шана. Семьи обоих прибыли в Америку в 1906 году. Мать Эдит к тому времени овдовела и решила перебраться поближе к своим братьям, у которых в Нью-Йорке был небольшой бизнес.

С ранних лет Эдит помогала матери в ее кондитерской лавке. Эдит быстро постигла законы бизнеса, самостоятельно делала заказы, распорядилась деньгами, мать ей во всем доверяла. Она предполагала, что со временем они расширят

бизнес, приобретут настоящий большой магазин. Однако Эдит уже с 16 лет проявляла большой интерес к живописи, мечтала стать художницей. Прибавив себе несколько лет, она пошла учиться в Национальную академию дизайна, — туда же, где учился одно время Бен Шан. Она исправно посещала классы рисунка, однако успехи ее не радовали. Эдит поняла, что художницей ей быть не суждено. Она решает избрать карьеру, в которой бы сочетались ее любовь к искусству и умение вести бизнес.

Ей удалось устроиться рекламным агентом в крупнейший нью-йоркский магазин Масы's. Тут она себя чувствовала на месте. Приходилось иметь дело с художниками, заказывать им рекламу, вокруг нее шумел-кипел крупный бизнес. Ей было всего восемнадцать, когда она вышла замуж за Сэмюэла Хэлперта, художника, который был старше ее на шестнадцать лет.

Летом 1925 года они провели несколько месяцев в Париже. Атмосфера парижской богемы, посещения ателье художников, свобода нравов буквально потрясли Эдит. Она твердо решила по возвращении в Нью-Йорк открыть художественную галерею и выставлять современных американских художников.

Эдит так и поступила. Она открыла галерею в самом сердце Гринвич Уиллидж — своеобразном

нью-йоркском Монмартре, где собирались представители художественной богемы. На первой же выставке, которая открылась 26 ноября 1926 года, Эдит выставила работы молодых тогда художников, среди которых были, ставшие впоследствии знаменитыми, Уильям Зорач, Макс Вебер, Джон Слоэн.

Слухи о новой художественной галерее быстро распространились в художественной среде. Бен Шан тоже решил попытать счастья, и в конце 1929 года отправился в галерею, прихватив с собой папку с несколькими работами. Эдит встретила его довольно холодно, сказав, что она смотрит работы новых художников только по пятницам, а сегодня, сказала она довольно язвительно, всего лишь вторник. Так что ему придется прийти в следующую пятницу. Когда Бен появился в галерее в назначенное время, Эдит сказала, что у нее не было возможности посмотреть его работы. Этот холодный прием несколько обескуражил Бена, однако он решил продолжать поиски галереи, которая согласится выставить его работы.

Тем более неожиданной была телеграмма, которая пришла буквально через несколько дней после его второго визита в галерею Эдит. В ней она просила Бена принести еще несколько своих работ. Как оказалось впоследствии, работы Бена Шана увидела высокопоставленная подруга и

покровительница Эдит — миссис Эбби Олдрич Рокфеллер.

Очаровательная, остроумная супруга Джона Рокфеллера-младшего Эбби обладала безукоризненным вкусом, прекрасно разбиралась в живописи и была основательницей знаменитого МоМА — Museum of Modern Art.

Миссис Рокфеллер купила одну из работ Бена Шана «Девушка в кимоно». Мнение Эбби Рокфеллер было решающим для Эдит. Она решила сделать персональную выставку Бена Шана, более того, стараниями обеих дам его работы были включены в одну из самых престижных выставок в МоМА.

«Появление никому не известного художника на выставке в Музее современного искусства среди громких имен было подобно чуду», — признал впоследствии сам художник. Его первая персональная выставка в галерее Эдит Хэлперт прошла триумфально — все работы были проданы. Среди покупателей были друзья семьи Рокфеллеров, представители богатых и знатных семей Нью-Йорка. Появилось несколько статей в New York Times, в которых критики весьма благосклонно отзывались о работах молодого, ранее никому не известного художника.

Миссис Рокфеллер высоко оценила работы молодого художника. Она купила несколько его

акварелей и в 1931 году пригласила его провести месяц в ее имении.

Эбби Рокфеллер была весьма экстравагантной особой, ее пристрастия в живописи были тоже несколько необычны. Ей очень нравился коричневый цвет, она считала, что никто из современных молодых художников не может передать все богатство и глубину этого, весьма непростого цвета. У миссис Рокфеллер была любимая лошадь, она заказала художнику портрет любимого арабского скакуна, который, как утверждала хозяйка, был коричневой масти.

Пребывание в имении экстравагантной поклонницы было не из легких. Основные усилия Бен Шан затрачивал на поиски еды, Эбби славилась своей скупостью. В письме к брату Филиппу Бен писал, что поездка в имение была совершенно ненужной. К тому же, как оказалось, масть у лошади была иной — ее шерсть была серого цвета.

Финансовая ситуация Бена и Тилли была безнадежной. Хотя Эбби Рокфеллер и уплатила пятьсот долларов, по тем временам немалые деньги, за портрет лошади, 150 из них забрала Эдит Хэлперт за посредничество.

Несмотря на крайнюю бедность, Бен продолжал работать, воплощая свои замыслы. Он задумал проиллюстрировать Хаггаду — книгу правил проведения еврейского религиозного

праздника Passover — Пасхи. В широком смысле это была религиозная сказка о том, как евреи освободились от рабства, вышли из Египта и обрели свободу.

Он не только иллюстрировал историю, но и писал текст от руки. У Бена было особое отношение к буквам. Он видел в необычных буквах иврита нечто мистическое: сплетал их в удивительные узоры, располагал их на листе в разных направлениях, создавал необычные орнаменты. Эту любовь к шрифтам он пронес через всю жизнь.

Много позднее, когда Бен побывает в Японии, он будет поражен красотой японской каллиграфии, тем, как тщательно и элегантно работают японские мастера-каллиграфы.

Получилась необычная книга, в которой художник тщательно прорисовал все детали религиозного обряда. Все было праздничным: яркие акварельные краски, красивые буквы. В этой работе чувствовалось влияние Шагала, Гогена, Сезанна и африканского примитивного искусства. Однако ярко проявились и черты, свойственные Бену Шану: четкость и красота исполнения.

СТРАСТИ ПО САККО И ВАНЦЕТТИ

Лето 1931 года увенчала еще одна крупная работа Бена Шана — серия рисунков, посвященная

казни двух итальянских рабочих — Никколо Сакко и Бартоломео Ванцетти. Арест и последующая казнь на электрическом стуле всколыхнули весь мир. Им предъявили обвинения в убийстве кассира и охранника обувной фабрики в небольшом городке South Braintree в штате Массачуссетс. Их арест, суд и обвинения были явно сфабрикованы. В своих письмах из тюрьмы Никколо Сакко раскрыл всю изнанку проводимого следствия. Приговор был суров: электрический стул.

Казнь Сакко и Ванцетти стала причиной грандиозного протеста сотен тысяч людей в Европе и Америке, среди которых были интеллектуалы, простые рабочие, молодежь, люди зрелого возраста.

Бен внимательно следил за ходом процесса, видел демонстрации, в которых участвовало более двадцати тысяч человек.

В день казни Сакко и Ванцетти Бен видел, как люди плакали, возмущаясь несправедливостью свершившегося. «Я — художник, сын простого ремесленника, поэтому мне близки страдания простых людей. Я не могу следовать традициям французской живописи — это слишком изысканно для меня. Я рассказываю о том, что мне близко», — говорил он впоследствии в интервью одной из газет.

Бен жил очень напряженной жизнью. Он нашел ночную работу в одной из типографий,

работал там с шести вечера до двух часов утра, затем ехал домой, спал четыре часа и работал над серией «Сакко и Ванцетти».

К несчастью, его отец попал в больницу, и Бен приезжал к нему ежедневно. Однако, несмотря на столь трудный график работы, Бен чувствовал себя отлично: он делал то, что было ему по душе.

Наконец, наступил день, когда работа была завершена. Бен пригласил нескольких друзей к себе домой и показал рисунки. Реакция была восторженной. Теперь Бен знал: он может выставить свою работу, которую он назвал «Страсти по Сакко и Ванцетти» для широкой публики.

Двадцать три листа гуашей, объединенных названием «Страсти по Сакко и Ванцетти», были разделены на три части: перед судом, во время суда и после суда.

Бен Шан запечатлел не только самих заключенных, но также и их близких родственников, написал он и портрет Сакко с женой и сыном. Выставленные в галерее Эдит Хэлперт работы Бена Шана произвели эффект разорвавшейся бомбы. Критика дала восторженные рецензии, сравнивая Бена Шана с Пикассо, Домье, Паскиным и Кокто. Его будущее виделось в самых радужных тонах. «Бен Шан потряс художественные